

ций 39 (из подготовленных 180) карт, отражающих основную, наиболее типичный и яркий материал по фонетическим, морфологическим, лексическим особенностям поволжских говоров. Проблемы, связанные с публикацией карт, привели Л.И. Баранникову к идее создания нового типа диалектологического атласа – цифрового (в котором лингвогеографический материал подается с помощью набора индексов – специальных знаков, присвоенных всем вариантам картографируемых явлений).

Научные интересы Л.И. Баранниковой были разносторонними: диалектология, теория и история языка, терминология и лексикология, проблемы интерференции разных языков и их типология, вопросы структуры и функционирования языков. В ее работах исследуются сущность языка и речи, закономерности варьирования языковых и речевых единиц, взаимодействие языковых систем и подсистем, взаимовлияние языка и общества в различные исторические периоды. Л. И. Баранникова заложила теоретические основы изучения переселенческих русских народных говоров.

Человек щедрой души, Л.И. Баранникова активно работала с аспирантами, докторантами, к ней могли обратиться за консультацией преподаватели других вузов и получить соответствующие рекомендации. Являясь главой саратовской лингвистической школы, Л.И. Баранникова играла объединяющую роль во всем лингвистическом Поволжье. Многие преподаватели лингвистических кафедр Волгоградского государственного педагогического университета так или иначе были связаны с Лидией Ивановной: это и многолетняя работа над Атласом говоров Среднего и Нижнего Поволжья, это и обращение за консультацией при написании диссертаций. И никогда никому Л.И. Баранникова не отказывала в помощи. Под руководством Лидии Ивановны подготовлены и успешно защищены 70 кандидатских и 10 докторских диссертаций.

Л.И. Баранникова – автор более 160 работ, в том числе известного учебника «Введение в языкознание», допущенного Министерством высшего и среднего специального образования РСФСР в качестве учебного пособия для филологических факультетов (1973 г.), «Сборника упражнений по русской диалектологии» (в соавторстве с В.Д. Бондалетовым), допущенного Министерством просвещения СССР

в качестве учебного пособия для студентов педагогических вузов (1980 г.), научный редактор более 50 сборников и монографий. Под редакцией Л. И. Баранниковой издавалось несколько серий известных межвузовских сборников: «Язык и общество», «Проблемы развития языка», «Говоры территорий позднего заселения», «Современные процессы в русских народных говорах».

Лидия Ивановна Баранникова – человек энциклопедических знаний, разносторонний учёный и педагог, влюблённый в филологию, страстно преданный науке, благородный, скромный, мудрый и бесконечно добрый человек.

Н.А. КРАСАВСКИЙ
(Волгоград)

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ
С.Г. ВОРКАЧЁВА «ПРАВДЫ ИЩИ:
ИДЕЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ В
РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ».**
(Волгоград : Парадигма, 2009. 190 с.)

В самом конце 1980-х годов в отечественной лингвистике наметилась тенденция антропоцентрического подхода к изучению языка (Ю.Н. Караулов, В.И. Поставалова, Б.А. Серебренников и др.), окончательно оформившаяся в 1990-е годы в качестве таких научных направлений, как лингвокультурология, лингвоконцептология и аксиологическая лингвистика (С.Г. Воркачѳв, В.И. Карасик, В.А. Маслова, Ю.С. Степанов и др.). Этот период в истории отечественной лингвистики характеризуется четко выраженным отказом филологов от имманентной, замкнутой на себе языковой парадигмы и активным расширением объекта филологических притязаний до уровня известной триады «язык – сознание – культура». Смена филологических приоритетов, явившаяся следствием «лингвокультурологического переворота» в России, привела к необходимости поиска соответствующего категориального аппарата. Его базисным термином стал, как известно, *концепт*, выигравший конкуренцию у претендующих на статус термина *лингвокультура* и *логоэпистемы*.

За истекшие два десятилетия наша наука пополнилась значительным количеством исследовательских работ различного жанра, авторы которых выявили и описали многочисленные концепты. Вышли в свет научные труды, обобщающие результаты деятельности лингвокультурологов и лингвоконцептологов (Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Болдырев, С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, В.В. Красных, И.А. Стернин и др.), уточняющие понятийно-терминологический аппарат и методику эффективного описания материала с лингвоконцептологических позиций.

Издание рецензируемой монографии мы оцениваем как еще один вклад известного российского ученого в развитие лингвоконцептологии, поскольку в книге, во-первых, предлагается новый термин «лингвокультурологическая идея», дается развернутое обоснование целесообразности его использования; во-вторых, образцово показана технология работы с языковым и энциклопедическим материалом; в-третьих, глубоко и многоаспектно интерпретируется феномен справедливости, маркированный в русской лингвокультуре.

В монографии читателю предлагается обзор основных трудов научных школ (лингвокогнитивных и лингвоконцептологических) с авторским комментарием, рассматриваются различные подходы к толкованию концепта как базисной единицы лингвокультурологии, указывается типология концептов, намечены перспективы развития этой науки. С.Г. Воркачев достаточно подробно и скрупулезно прослеживает траекторию становления и употребления термина *концепт* в российской лингвистике: концепт > культурный концепт > лингвоконцепт. Хорошо известны в среде ученых многолетние дискуссии о том, является ли оязыковление концепта его обязательным признаком. По мнению автора монографии, как мы понимаем, следует употреблять термин *лингвоконцепт*. Сама по себе форма слова снимает остроту дискуссии. С.Г. Воркачев, опираясь на результаты своих трудов и работы других концептологов, называет признаки лингвоконцепта, т.е. те признаки, которые отличают его от концепта-понятия (с. 11 – 12): 1) внутренняя расчлененность лингвоконцепта как следствие многомерности его семантического состава (в качестве нелингвоконцепта приводятся операторы неклассических модальных логик «желание» и «безразличие», «приобретающие статус лингвоконцепта лишь с «погружением» в культуру, где они перевоплощаются в «страсть» и «равнодушие» соответствен-

но» (с. 11); 2) переживаемость (способность, к примеру, делать духовную жизнь человека более интенсивной, меняя ее ритм при попадании в фокус мысли); 3) семантическая плотность, т.е. репрезентация синонимами, тематическими рядами и полями, фольклором, синонимизированными символами; 4) ориентированность на план выражения – «включенность имени концепта в ассоциативные парадигматические и синтагматические связи, сложившиеся в лексической системе языка» (с. 12).

Не менее дискуссионным в когнитивной науке считается вопрос о структуре концепта (С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, Е.С. Кубрякова, З.Д. Попова, Г.Г. Слышкин, Ю.С. Степанов и др.). Судя по многочисленным публикациям, в особенности диссертационного жанра, многие исследователи придерживаются концепции В.И. Карасика, предлагающего выделять в концепте понятийную, образную и ценностную стороны. С.Г. Воркачев солидаризуется с В.И. Карасиком. При этом, однако, С.Г. Воркачев считает необходимым выделять и значимую сторону концепта. Она определяется «местом, которое занимает имя концепта в языковой системе» (с. 13). Здесь, по сути, как мы думаем, речь идет об уточнении «ценностного» статуса лингвоконцепта.

В книге указывается на имеющую сегодня место дробную типологию концептов, что, по мнению С.Г. Воркачева, не решает кардинально проблемы «„смазывания“ специфики термина „концепт“» (с. 21). Автором высказывается предложение о необходимости введения нового термина в понятийный аппарат современной лингвоконцептологии – *лингвокультурологическая идея*. Это предложение аргументируется тем, что концепты как ментальные сущности различаются объемом их содержания, степенью абстрактности. При этом С.Г. Воркачев указывает на попытки ученых ввести специальные термины (*гиперконцепт*, *суперконцепт*), которые включают в себя «целые смысловые группы», состоящие из ряда концептов (с. 20). Автор приводит ряд аргументов о целесообразности введения «идеи» в понятийный аппарат лингвоконцептологии: «Уместность этого имени в знаковой функции подтверждается как данными лексикографических источников, отражающих „наивную“ семиотику носителей языка, так и представлениями об идее в истории философии» (с. 23). Опираясь на словари русского языка, С.Г. Воркачев выявляет семантические характеристики этого слова: мировоззренческая направленность, семантическая сложность, аксиологич-

ность, теоретичность, универсальность и синтетичность. Последние два признака зафиксированы и в истории философии. «Идея включает в себя сознание цели и отражение своего предмета в форме идеала: не только таким, каким он есть, но и каким он должен быть, давая ему, тем самым, оценку» (с. 24). Трудно не согласиться с суждением ученого о том, что введение термина «лингвокультурологическая идея» «явится еще одним шагом в направлении «синтезаций» категориального аппарата лингвокультурологии» (Там же).

Автор предлагает читателю на материале научного и религиозного дискурсов всесторонний концептологический анализ одной из ключевых идей российского социума – справедливости. Обращение С.Г. Воркачева к многочисленным текстам этих дискурсов позволяет выявить тесную корреляцию справедливости с такими феноменами, как месть, благодарность, милосердие. «От мести и благодарности справедливость отличается универсализмом и мерностью, а от милосердия – рассудочностью и формализмом», – заключает С.Г. Воркачев (с. 78).

Использование различных методов анализа позволяет автору рассмотреть идею справедливости в диахронии русской лингвокультуры. Хотелось бы в особенности отметить целесообразность и эффективность применения метода этимологического анализа и метода сочетаемостного анализа лексем, обозначающих справедливость и правду в русском языке. Диахроническое исследование любых концептов, как известно, обнажает сам механизм формирования того или иного когнитивного образования, выражаясь языком метафоры, – его первые шаги в вербально-когнитивном поле культуры.

Сопоставление данных паремиологического фонда и опроса информантов выявляет, с одной стороны, темпорально-константные признаки концепта «справедливость», с другой – и некоторые изменения в его содержании. Теряют актуальность «мифопоэтические и религиозные представления о воздаянии», им на смену приходит социально-правовое понимание справедливости, «эгалитарный (“всемирно поровну”) и меритократический (“каждому по заслугам”) принципы справедливости дополнились принципом врожденных прав человека» (с. 171).

Читатель найдет, кроме названных нами, много других интересных и тонких наблюде-

ний С.Г. Воркачева. Рецензируемая монография относится к числу научных трудов, авторы которых посредством разноаспектного анализа языка с лингвокультурологических позиций значительно расширяют наши знания о средствах и способах формирования национальных концептосфер. Работа С.Г. Воркачева вносит большой вклад в лингвокультурологию, в целом в лингвокультурологию, уточняя их категориальный аппарат, намечая их дальнейшие перспективы исследования. Сердечно поздравляем С.Г. Воркачева с изданием книги «Правды ищи: идея справедливости в русской лингвокультуре» и ждем от известного ученого новых работ.

*А.Х. ГОЛЬДЕНБЕРГ
(Волгоград)*

СЕМЬЯ И ЧЕЛОВЕК В НАРОДНОЙ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКЕ
(Краюшкина Т.В. Мир семейных отношений в русских народных волшебных сказках. Владивосток: Дальнаука, 2005; Она же. Мотивы тела и телесных состояний человека в русских народных волшебных сказках Сибири и Дальнего Востока. Владивосток: Дальнаука, 2009).

Современная фольклористика пополнилась двумя содержательными монографиями Т. В. Краюшкиной, построенными на материале русских народных волшебных сказок Сибири и Дальнего Востока. Первая книга посвящена специфике семейных отношений в сказке. Это комплексное научное исследование, в котором указанная тема впервые рассмотрена во всем многообразии ее аспектов. Главное внимание автор монографии уделил анализу исторических корней форм семейных отношений, которые представлены в мире волшебной сказки, и связанных с ними сюжетов и образов.

Результатом такого анализа стало выявление в русских сказочных сюжетах отголосков практически всех исторических стадий и форм брачных отношений: промискуитета, кровнородственной, пуналуальной, парной, патриар-